

Дмитрий Румянцев

Лампа Аладдина

* * *

я помню чудное мгновенье: я встретил девушку-виденье...
она, как бабочка, была — легка, как бархатцы, сияла
на кромке летнего вокзала — пуглива, зорка и смела.
ещё она была — со мной! как хорошо, о Боже! Боже!
и жизнь казалась мне дороже, так, словно это — не со мной!
и шла со мной в июньский зной, я был другим — смелей и выше:
июльский гром гремел на крыше, как карнавал, где я — герой!
так, словно славно я сыграл, шут, квазимодо — казанову.
я, как она, любил и *слово* взаимной рифмой отражал!
хвала аллеям и альковам!..
всё будет ОК, я узнавал...

* * *

хотел жить в жизни вовсе не поэтом,
а просто — быть и миру удивляться,
и оставлять душевые пометы
на проходных, вокзалах, бликах станций,
палиtre луж... учить его английский,
его испанский и норвежский — в танце.
и если с кем-то состояться близким,
то никогда уже не расставаться.
а Бог — поэт, и он меня рифмует,
и спорить с ним — грешить... и я, пожалуй,
пойду к другим высотам, облюбую
права любви, похожие на жалость.
права любви и ту, что будет слева
один в один — одна, как только сердце.
единственная в мире королева,
в кого смотреть, да и не наглядеться...

Румянцев Дмитрий Анатольевич — поэт. Родился в Омске в 1974 году. Окончил философский факультет Омского педагогического университета по специальности «Культурология». Автор книг стихов «Сравнительное жизнеописание» (Омск, 2011), «Нобелевский тупик» (Омск, 2011), «Страдающее животное» (Омск, 2013). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Омске.

* * *

не будите Есенина в «Англете»,
пусть ещё поспит, выдыхая спирт,
на какой планете, в какой атмосфере
мне проснуться велит спирит?
до чего же жизнь хороша-расхожа!
до чего умирать не с руки!
улыбаюсь глупо любым прохожим,
обнажая свои клыки
я не зверь вполне, я уже напуган
обещанием роковым,
дай мне знак! — я пойду в зимний парк и стужу,
по грибы
никуда не уйти (может, и не нужно)
от судьбы...

* * *

перед смертью не надышишься.
дождь весь день, и пахнет взморьем.
как овчарка ветер лижется.
неизвестное под корнем
чувство шепчет: смерть — не горе!

тихо-тихо светит музыка
(хоры иоганна, людвига).

свет такой, что отменяется
смерти выгребная яма.
как предивно просыпается
в новой жизни, с новой кармой! —
под ногами растекается
облачная панорама

от матфея, иоанна.

* * *

Скорая дежурит у ворот. На окне ночная амальгама.
Отраженье всех переживёт: в вечность нашу майю мыла мама.
Встанем все на маленький пленэр — станем упражняться для бессмертья,
или я один уже теперь остаюсь стоять у парапета
лестничного: вы, мои друзья, словно опьяненые, прихотливы,
так и капли летнего дождя — череда — приливы и отливы.
Буду пить вино и говорить в бездну тополиного июля.
Скорая карета, может быть, и меня сегодня караулит...

Сыну

Привет тебе, Маленький принц, что в Сахаре сегодня?
 Я падаю ниц пред судьбою, расхожей, как сводня.
 Давай забавляться своей неизбывной любовью.
 И, может, я что-то для сердца тебе приготовлю.
 Вот мы друг за друга, как это и должно, в ответе.
 Ты — чудный ребёнок, такой, как положено детям:
 всё небо — в тебе! И, о Боже, как это небесно!
 В ответ на слова ты Земной откликаешься песней.
 А сколько всего из полдневных видений, знамений?
 И сердце одно — для полдюжины сердцебиений.
 ...И только разлуки-змеи нам не надо мгновений!
 Пойдём же по миру торопкой тропою оленьей.

* * *

лампа Аладдина нужна мне, лампа Аладдина
 когда ноябрь, как Яков Брюс, заморозил пруды и плоды дички
 да Диканьку мою, да луна наверху — ночник Сухаревой башни

да из всех чудес, добываемых трением,
 лучшее, всё же — не огонь, но ребёнок
 с огоньком желания, с красным петухом леденца, снегирём да снегом
 когда на улице — адмирал Кончак
 белая гвардия хлопьев холопьев и половецкая пляска метели

когда Красный путь — Млечный путь — в рябинах, сугробах, звёздах
 где «ложской снег мешая, ночь идёт большая»
 где мультишный Умка играет с мамой-медведицей на партийном плакате
 ну и «ЕР» с ними

всё-то «трутся спиной медведи о земную ось»
 всех и сил-то осталось во мне — трение и тяготение
 да в судьбине — тернии и тягомотина
 как в империи победивших ССэСеРов, от которой сейчас — песни лишь
 там — Дзержинский против Кшесинской, а здесь —
 подновлённая Матка Бос-к/х-а
 да детский *сад наслаждений* в слабеющей памяти

с детства и помню:
 «терпенье и труд всё перетрут»
 в муку, что в снег — через заботу и родовые муки
 и ребёнок, заведённый тобой
 ещё не скоро растратит фряжский завод пружинки
 пушинку крыльев
 ангелов ли метельных, валькирий ли выюжных
 и загаданное желание —
 единственно Большое, как Медведица, желание —
 ЖИТЬ!!!

искры летят, звёзды летят, хлопья тоже
так и миры летят
напружившись спиральками ДНК да галактик
— чудно — ты скажешь мне, — чудо

лампа Аладдина нужна мне, лампа Аладдина

Двое

Вот форточка, что фотокарточка — глубокой ночи отраженье.
Луна. Дорожка. В мятых тапочках он словно учится движенью.
Она уснула, разметалась в кровати, где подушка — Азия.
Вот ночь на цыпочки привстала. Шепни на ушко, чтоб отпразновать
все прежде брошенные взгляды. Они, как новыми глазами,
глядят на мир, явиться рады в полночной форточки оазис.
Всё будет: самолёт над миром и рандеву у побережья.
Вот форточка уже открылась, глотая избранную нежность.
А сердца кулачок сжимается, зажав внутри любовь и веру.
И, да, — сегодня начинается в мечту и музыку премьера.
И на экране сонной комнаты — в окне, в его переплетеньи —
день Первый — в судьбах — иероглифом. Так начинается Творенье.

Твориу

Помилуй, Господи, меня! И сохрани в Своих ладонях,
пока осенняя погоня гоняет листва октября.
Пока хрустящий снег упал и лёг сегодня, как впервые,
пока итоги годовые декабрь ещё не набросал.
Пока в мешочек сердца кровь звенит монетой золотою,
а значит я чего-то стою, расплачиваясь за любовь.
Покуда нет дурных страостей, и может повернуться каждый/падший
к небесной музыке домашней над пропастью чумных смертей.
Лови во ржи своих детей!..